

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

ДЕПУТАТ ЗА СЕМЬ
МИЛЛИОНОВ

Антикор

Кирилл Казанцев

Депутат за семь миллионов

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Депутат за семь миллионов / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Антикор)

Вот и пришло время тайной антикоррупционной организации «Антикор» жестко разобраться с теми, кто торгует властью, продает за баснословные деньги депутатские мандаты. Глава «Антикора» генерал Дугин знает, что существует целая сеть посредников, занимающихся этим преступным бизнесом. Но вот кто управляет сетью – тайна. И Дугин решает, что лучший способ вскрыть механизм преступной машины – внедрить в нее своего человека. Лучший боевик «Антикора» Андрей Ларин устраняет одного из посредников и, войдя в доверие к торговцам должностями, занимает его место. Но не все склонны доверять новичку, и над головой Ларина нависает смертельная угроза...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Депутат за семь миллионов

Глава 1

За окном было хмурое зимнее утро. Ларин задернул шторы и вышел из квартиры. Ему предстояло встретиться с нужным человеком, о котором Андрей знал только, что тот приедет на автобусе.

Если ты агент тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, то тебе не суждено иметь семью и даже друзей. Во-первых, нельзя подставлять близких людей под возможный удар. Во-вторых, они могут, даже не желая этого, выдать тебя тем, против кого ты ведешь борьбу. За противником сила и деньги: правоохранительные структуры, спецслужбы, купленные суды и прирученные телеканалы с прикормленными журналистами. За тобой же лишь вера в справедливость своего дела и соратники – такие же одинокие, как и ты сам.

Когда ты занят делом, то некогда думать о своем одиночестве. Но когда ты вынужден бездельничать, оно ощущается особо остро. И самым страшным в этом смысле временем для Андрея Ларина был Новый год. По всей стране собираются компании людей, веселятся, празднуя, забывают о бедности, о неурядицах, разногласиях и семейных ссорах. А ты один, и некому даже позвонить, переслать эсэмэску. Ведь тебя не существует, ты фантом. Сегодня у тебя в кармане документы на одно имя, завтра – на другое. У тебя нет постоянного дома. За тобой ни на минуту не прекращается охота, а ты должен вовремя ускользать от врагов.

Этот Новый год выдался для Ларина таким же серым, как и предыдущие. Конспиративная квартира в центре Москвы. Тоскливая ночь перед включенным телевизором. За окном то и дело взлетали огни фейерверков, взрывались петарды, слышался смех, женский визг. И это раздражало. Ведь кому-то весело, а ты веселиться со всеми не можешь. Ларин даже не осилил полбутылки водки, которую по привычке запивал морковным соком. Потом был короткий сон и раннее пробуждение.

На улице было пустынно. Кое-где еще горели редкие окна загулявших москвичей. С карнизов свешивались гроздьи сосулек. Компания парней и девчонок с веселыми криками каталась по ледяной дорожке. Первые глотки свежего воздуха бодрили, утренний ветер снимал остатки сонливости. Ларин неторопливо шел к автобусной остановке, под ногами похлопывал выпавший за ночь и успевший подтаять снег. Серое небо низко нависало над притихшим после бессонной ночи городом.

Единственным оживленным местом на проспекте была остановка общественного транспорта. Народ разъезжался из гостей. По привычке Ларин смотрел на мир подозрительно. Опасность могла подкарауливать его в любое время и в любом месте. Компанию из троих молодых людей, лениво попивавших пиво прямо из горлышек бутылок, он отмел сразу же. Хмель еще сильно держался в них, такую степень опьянения не изобразишь. Под навесом самозабвенно целовалась парочка. Парень настойчиво предлагал девице погреть озябшие руки, засунув их ему под пуховик. И к этим людям Ларин быстро потерял интерес. Влюбленные опасности не представляют.

А вот серый джип, свернувший со второй полосы к остановке, Андрея насторожил. Во-первых, подозрительно, что тридцатилетний мужчина в праздник сидит за рулем, вместо того чтобы подвыпившим уехать из гостей на такси или в крайнем случае общественным транспортом. Но всякое в жизни бывает. Может, человек вообще не пьющий или антибиотики принимает? Однако еще удивительнее было, что и трое его пассажиров тоже не выглядели подгулявшими. А с чего бы это мужчинам не гулялось на Новый год? Почему с ними нет женщин?

Почему они свернули на полосу, предназначенную исключительно для общественного транспорта? Зачем им понадобилось ехать у самого бордюра? Такое один раз с Лариным было, когда его схватили и затолкнули в подъехавшую к бордюру машину. На всякий случай он отошел на середину тротуара. Джип неторопливо проехал мимо и замер сразу за остановкой, заморгал «аварийкой». За ним Андрей и следил краем глаза. И водитель, и пассажиры оставались на своих местах, лишь правое переднее стекло немного сползло вниз.

Автобус, который вот уже десять минут как должен был подъехать согласно расписанию, так до сих пор и не появился.

– Извините, пожалуйста. Не поможете? – раздался голос рядом с Андреем.

Ларин обернулся и увидел тщедушную девушку в короткой юбке, высоких сапогах и в расстегнутой шубке. В руке она держала тонкую сигарету и зажигалку.

– Во-первых, с Новым годом, – произнес Андрей, не выпуская из поля зрения джип, «аварийка» мигала ровно и настойчиво.

– Точно, и вас с Новым годом, – немного растерялась девушка. – Прикурить хочу, а ветер мешает.

Для наглядности она несколько раз щелкнула затвором зажигалки, и каждый раз утренний ветер гасил вспыхнувший огонек.

– Вообще-то я сам не курю. И другим не советую.

– Знаю, что вредно, – напряженно улыбнулась девушка. – Но иногда же можно, если хочется. Праздник все-таки.

– На праздник, выходит, можно и травиться? – Андрей все же взял зажигалку в руку, прикрыл ее сложенной ковшиком ладонью.

Огонек, надежно прикрытый от ветра, радостно затрепыхался.

– Ловко у вас получается, – девушка уже приблизила лицо и сведенные в пригоршню ладони к рукам Ларина.

– Осторожно, фильтром прикуриваете! – в последний момент заметил Андрей и отдернул руки.

Сделал он это очень вовремя, даже немного опоздал. Так как девушка успела защелкнуть браслет наручника на его правом запястье, а вот с левым у нее уже не получилось. Пустой раскрывшийся браслет качнулся на цепочке. От джипа к Ларину уже бежали четверо мужчин, один из них на ходу доставал из кобуры пистолет.

– Стоять!

Три мысли параллельно пришли в голову Андрея. Первая – он все же почувствовал угрозу, исходящую от пассажиров джипа. Вторая – задержание не случайное, не ошибка, готовились к нему заранее и с мерами предосторожности. Третья – из-за которой почувствовал стыд – он, Ларин, «купился» на тщедушный вид девушки, и с ним провернули классический трюк, когда сперва просят дать огоньку, а потом внезапно надевают на сведенные запястья наручники.

Раздумывать над причинами, благодаря которым его вычислили, Андрей не стал. При любом исходе для этого найдется время потом. Он рванул с места. Бежать по тротуару значило заранее проиграть. Джип легко преодолел бы бордюр и настиг его в считанные секунды – прохожих почти не было. Оставалась проезжая часть. Все-таки посередине широкой улицы тянулось металлическое ограждение.

Поток машин был неплотным, но зато мчались они как на пожар. Петляя между автомобилями, Андрей добрался до ограждения и перепрыгнул через него. Преследователям пришлось убедиться, что группой – вчетвером – лавировать между несущимися машинами сложнее, чем в одиночку. Засвистели тормоза, послышался несильный удар и металлический скрежет.

– Куда претесь, свиньи пьяные! – долетел до слуха Ларина крик.

– Мы на задержании! – раздался первый возглас в ответ.

Андрею еще раз повезло. На соседних полосах рядом с ним пока еще было пусто. Поток автомобилей сдерживал мигающий желтым сигнал светофора на перекрестке. Ларин успел добежать до противоположного тротуара. А вот преследователям пришлось дожидаться на разделительной полосе, когда пронесутся сбившиеся на светофоре в кучу машины. Один из них махал пистолетом и что-то кричал, но крик его тонул в гуле моторов. Никто и не думал останавливаться.

Уходить от преследования по тротуару было рискованно – остаешься на виду. На следующем перекрестке возьмут. Да и камер слежения понатыкано возле каждого магазина и учреждения. Ларин нырнул в первую попавшуюся арку – высокую, ампирную. За ней виднелся двор жилого дома-сталинки, припорошенные снегом машины. Цепочки следов тянулись от подъезда. В кроне дерева ветер трепал новогодний серпантин. Андрей заправил браслет наручника под рукав.

– Угораздило же.

Он спрятался за пилястру в арке и осмотрел улицу.

Наконец-то преследователи оправились после его побега и повели поиски беглеца более осмысленно. Девица, просившая у Андрея прикурить, уже села за руль джипа и ждала сигнала светофора, чтобы развернуться на перекрестке. Четверо мужиков, планировавших ранее схватить Ларина закованным в наручники и без больших проблем затолкать в машину, разделились на двойки. Первая пара пробежала мимо арки – наверняка она приняли кого-то из прохожих за Андрея. А вот двое других свернули в нее. Ларин вжался в стену. Выступающая пилястра пока еще скрывала его от их глаз, но вот когда они поравняются... Андрей был готов и к этому.

Первый удар он нанес по руке с зажатым в ней пистолетом и тут же отпрянул к стене. Выбитое оружие звонко ударило в стену, и гулкое эхо прокатилось под сводами арки. Ответный удар Ларин не пропустил, а риск был велик. Попади кулак ему в голову, как и планировал здоровяк, лишившийся «табеля», череп бы треснул от удара о стену. Но Андрей правильно рассчитал, он слегка присел, и вся сила удара пришлась на кирпичную кладку, даже штукатурка треснула. Здоровяк взвыл, махая переломанной кистью. Ларин нанес ему удар локтем в затылок. Ударь чуть сильнее, хрустнули бы позвонки, но силу приложил выверенную. Противник просто отключился и рухнул лицом на асфальт. Теперь можно было вздохнуть спокойнее, сражаться предстояло один на один. Ларин сразу же пресек попытку противника подхватить пистолет – отфутболил его в сторону. Но за это и поплатился. Мужик в штатском, невнятно матерясь, ударил его в челюсть. На пару секунд у Андрея в глазах потемнело, а потому в ответ он бил вслепую. И тем не менее кулак попал в натренированный пресс, а потом локоть въехал в подбородок. Зрение вернулось к Ларину. Верзила закусил разбитую в кровь губу, но сдаваться не собирался. Между пальцев у него блеснул выставленный, как шип, длинный ключ из увесистой связки, острое летело прямо в лицо Андрею. Уклониться уже не получалось, удалось лишь повернуть голову. Шип прошел мимо, а костяшки сжатых пальцев задели ухо. Ларин не упустил свой шанс. Не успел противник уйти назад, как Андрей нанес один за одним три удара. В грудь, от чего у верзилы перехватило дыхание, затем коленом в пах, от чего бугай согнулся, третий пришелся по затылку – вновь, как и в случае с первым противником, такой же выверенный, оглушающий. Под сводами арки теперь слышалось только тяжелое дыхание Ларина. Он подхватил пистолет, сунул его в карман. Не потому, что собирался воспользоваться им. Но мало ли кто подберет его? За собой Андрей привык «убирать».

Краем глаза он заметил, как по улице мимо арки медленно проехал джип. И тут запищала рация в кармане оглушенного здоровяка.

– Третий, что у вас там? Ответь! Помощь нужна?

Естественно, отвечать Ларин не стал, было ясно, что первая двойка поняла свою ошибку и возвращается. Тротуар улицы был теперь заблокирован для Ларина. С одной стороны к арке

приближались двое мужиков, с другой – курсировал джип. Обольщаться насчет безвредности худосочной девицы Андрей не собирался, наверняка она была вооружена. А пистолет в умелых руках уравнивает шансы между противоположными полами. Оставался только двор. Ларин покосился на оглушенных им мужиков. Бросить их на виду значило выдать себя, пришлось затащить их за пристроенную к стене дома трансформаторную будку и прикрыть картонками. Благо кто-то из жильцов накануне Нового года решил купить себе новый холодильник, а разодранную упаковку оставил во дворе, надеясь, что ее утащат бомжи.

Андрей прислушался. Со стороны улицы пока не доносилось подозрительных звуков. Акустика арки была такова, что даже самые осторожные шаги тут же отозвались бы гулким эхом. Зато через подъезд из-за приоткрытой двери шахты мусоропровода доносились хриплые мужские голоса. И тема, и лексикон однозначно свидетельствовали о том, что в помещении рядом с мусорным контейнером основательно устроились отметить первый день нового года коммунальщики – дворники. Догадку Ларина подтверждали и стоявшие неподалеку от входа три фанерные лопаты для чистки снега, а также сваленные в кучу на ящике с песком оранжевые жилеты, выцветшие шапки сварщиков и брезентовые рукавицы. Андрей неторопливо прошел мимо приоткрытой двери. Дворники сидели на разнокалиберных стульях, позаимствованных с помойки, столиком им служила старая стиральная машина. Початая «ноль семь» бутылка водки служила гарантией того, что они не скоро выберутся из «берлоги».

Чтобы стать незаметным, иногда стоит сделаться броской, но неотъемлемой частью городского пейзажа – этот прием Ларин использовал не первый раз...

Мужчины в штатском вбежали в гулкую арку.

– Третий, почему не отвечаете, мать вашу? – тревожно вопрошал в рацию один из них.

Напарник держал в правом кармане куртки руку, в которой наверняка был пистолет. Навстречу им из глубины двора неторопливо двигался дворник в оранжевом жилете. Фанерную лопату он нес на плече так, что она скрывала его голову. Дворник что-то невнятно и пьяно бубнил себе под нос, вроде бы ругался на кого-то. Мужчина с рацией сделал к нему шаг, намереваясь о чем-то спросить, но дворник махнул рукой в потрепанной брезентовой рукавице и хрипло произнес:

– Отстань, и без тебя тошно...

Оказавшись на улице, Ларин первым делом осмотрелся. Джип стоял неподалеку от входа в арку. Народу на тротуаре прибавилось. Девица за рулем окидывала прохожих напряженным взглядом, естественно, заметила и переодетого дворником Ларина и подозрительно прищурилась. Станешь спешно уходить – подозрения только усилятся. Поэтому пришлось играть свою роль и дальше. Андрей нагнул голову в синем матерчатом шлеме сварщика и принялся методично скрести лопатой асфальт, благо снег все-таки был. Девица за рулем постепенно теряла к нему интерес.

«Теперь чуть отступить, будто чищу место возле машины, – рассуждал Ларин. – А когда пропаду из поля зрения, то оставлю маскарадный костюм на багажнике и исчезну».

Однако плану не суждено было сбыться. Двое мужчин поспешно вышли из арки, обменялись взглядами с девицей, та пожала плечами и неприметно указала на «дворника». Мол, только он и выходил со двора за это время.

Андрей с напускным спокойствием продолжал скрести асфальт фанерной лопатой, не забывая исподлобья поглядывать на мужиков. И те его придирчиво рассматривали.

«Не дай бог, браслет наручника выскользнет из рукава», – подумал Андрей.

Тут в воздухе стал нарастать неясный гул. Прохожие задирали головы к небу. Из-за крыш домов на противоположной стороне улицы выплыл большой гражданский вертолет. Шел он низко, рокот турбин и стрекот винтов давил на уши. Воздух вибрировал. Ларин по привычке смотрел не столько на вертолет, ведь сам по себе он не мог нести опасности, а на то, что могло измениться в результате его пролета. Взгляд Ларина прошелся по далеко выступающему

скульптурному карнизу девятиэтажки-сталинки. С него свисали гигантские сосульки, доходящие до середины окон верхнего этажа. В некоторых местах словно искорки вспыхивали, разлетались пластинки треснувшего льда. Неторопливо летящий вертолет ушел за крыши.

Двое мужчин стояли на тротуаре перед аркой и перешептывались. К их ногам спланировало несколько таких ледяных пластинок. И тут Ларин не столько увидел, сколько почувствовал, что произойдет. Забыв, что перед ним если не враги, то уж точно – противники, он что было силы крикнул:

– Берегись! – и показал рукой вверх.

Секунду парочка «топтунов» была в замешательстве, им, наверное, казалось, что это предупреждение – всего лишь какой-то хитрый трюк, долженствующий отвлечь их внимание от объекта. А потому и посмотрели вверх, когда было уже слишком поздно. Сверкающая в утреннем свете громада сросшихся между собой сосуллек уже неслась на них сверху. Мужчины синхронно вскинули руки, будто бы могли прикрыться ими от ледяной, ощерившейся остриями сосуллек глыбы.

По улице разлетелся странный звук, словно разбилась кристальная плита, разлетелись в стороны ледяные обломки. На том месте, где только что стояли мужчины, под ледяным навалом просматривалось нечто бесформенное и в крови. И тут в наступившей тишине прозвучал отчаянный женский крик.

– Мамочки! – девица, выскочив из джипа, бросилась к тому, что осталось от ее напарников, принялась руками разбрасывать обломки.

Стала собираться толпа. Ларин вымолвил:

– Черт. Честно говоря, мужики, я не хотел этого.

Он стянул с головы шлем сварщика, воткнул в неглубокий сугроб лопату, повесил на нее оранжевый жилет, бросил на снег рукавицы и зашагал по улице, хрустя ледяными обломками. До его слуха долетали обрывки разговоров напуганных происшествием прохожих.

– ...должен же кто-то за это отвечать?

– ...за техобслуживание деньги берут исправно...

– ...а все потому, что порядка нет...

У бордюра негромко скрипнули тормоза. Ларин покосился на неприметные «Жигули» с московскими номерами. Эту машину он видел впервые. За рулем сидел пожилой мужчина с мясистым лицом – Павел Игнатьевич Дугин собственной персоной. Короткий жест и ситуация, в которой оказался Ларин, не оставляли места колебаниям. Андрей сел в машину.

Павел Игнатьевич Дугин возглавлял ни много ни мало мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру Российской Федерации. Эта структура не имела задачи по свержению действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о таких понятиях, как «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни.

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за проявление порядочности, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали для этого самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. С этой целью несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально: та же «внутренняя опасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное – шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные и действенные, вплоть до физического уничтожения наиболее продажных чиновников. Точечные удары вызывали у коррупционеров страх; количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаком «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, уже давно росли и ширились, и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось для них не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди находились, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из нее не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль этакого «боевого копья». И как догадывался Андрей – далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Несомненно, все эти качества Ларин уже не раз демонстрировал и вновь собирался продемонстрировать в самом ближайшем будущем...

Дугин ловко вырулил в крайний левый ряд и, ожидая на светофоре, протер лысину бумажной салфеткой, бросил ее на приборную панель.

– Уфф... Я уже думал, что не успею, – выдохнул он.

– Вообще-то все уже кончилось, Павел Игнатьевич, – заметил Ларин.

– Курьера, с которым ты должен был встретиться в автобусе, взяли в канун Нового года, вот в результате и вышли на тебя. Знали только место и примерное время встречи. А курьер после задержания был в таком виде, что использовать его, как наживку не представлялось возможным. Вот и вычислили тебя на остановке методом исключения.

– Я это уже понял.

– Я же слишком поздно узнал о провале. Связи с тобой уже не было. Извини, – Дугин развернулся и не торопясь поехал вдоль разделительной полосы.

– Кем они были? – Ларин покосился на толпу, собравшуюся перед аркой.

– Возможно, обычные исполнители. Вероятно, толком даже не знали, кто ты такой, просто получили ориентировку на опасного преступника и задание тебя задержать. Может оказаться, что и честные служаки, хотя в их досье я пока и не заглядывал. Какая теперь разница?

– Что ж, по большому счету, и я мог оказаться на их месте. Как говорится, на кого бог пошлет.

– Ладно, проехали. Трагическая случайность, нелепое совпадение. Но тебе в любом случае придется теперь на время уехать из города. Под нашу организацию начали сильно копать. Не даем мы им покоя.

– Значит, не зря живем...

* * *

Как и все неприятное, трагический инцидент, произошедший утром первого января, Ларин постарался поскорее забыть. Какой жизненный урок из него можно было извлечь? Мы все под Богом ходим? Не стойте под карнизами? Чаше глядите вверх? Против лома нет приёма? Эти нехитрые истины каждый усваивает еще с детства. Однако Ларин не мог предположить, что почти через полгода Дугин привезет его на это самое нехорошее место и примется рассуждать о причинах гибели «топтунов», делая при этом далекоидущие выводы и прогнозы.

Но обо всем по порядку, потому что этой поездке с Дугиным предшествовало событие, придавшее жизни агента тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти новое и неожиданное направление...

* * *

Дугин подбирал в свою организацию людей тщательно, десять раз их проверял, делал все, чтобы убедиться в их универсальности. Ведь никогда не угадаешь точно, какие именно таланты потребуются при выполнении задания. Обычно «боевые копы» тайной организации по борьбе с коррупцией действовали в одиночку, хоть их молниеносной работе и предшествовала тщательная подготовка, которую проводили группы опытных аналитиков и изобретательных техников. Так меньше риск провала, меньше угроза соратникам. Но иногда приходилось прибегать и к помощи напарников.

Ларин же предпочитал работать один, в крайнем случае мог вытерпеть возле себя кого-то на вторых ролях. Ну, не любил он отвечать за чужие ошибки. Об этом прямо и заявлял Дугину. Однако из каждого правила имеются исключения. Ведь напарник может оказаться и напарницей. А если это молодая красивая женщина, которая вдобавок равнодушно к тебе дышит, то отказать ей сложно. На этих чувствах Андрея и позволял себе время от времени играть Павел Игнатьевич.

Утренний парк мало похож на дневной. Тут не увидишь мамаш с маленькими детьми, влюбленных парочек, компаний, решивших выпить в кустах. По утрам аллейки обживают приверженцы здорового образа жизни. И летом, и зимой с упорством, достойным лучшего применения, любители утренних пробежек совершают оздоровительные забеги. Поклонники восточной гимнастики с отрешенными лицами делают таинственные пассы руками и ногами, будто посылают шифрованные сигналы в космос. Качки оккупируют турники. Манерные дамочки, сидя на скамейках в позе лотоса, заряжаются солнечной энергией. При этом большинство, как истинные горожане, стараются друг друга не замечать.

Вот и в это теплое майское утро Андрей привычно затесался среди подобной публики. Пробежать с утра несколько километров было для него традицией. Этаким сочетанием приятного с полезным. Приятно размять мышцы, разогнать кровь, провентилировать легкие, сбросить с себя остатки тяжелых снов. Но одновременно полезно и проверить – не следят ли за тобой? А сделать во время бега это отнюдь не сложно. Народу немного, все на виду, постоянные любители здорового образа жизни тебе уже примелькались. Меняешь скорость, останавливаешься, чтобы с десятков раз отжаться от скамейки, выбегаешь из парка на улицу. «Наружку» при таком раскладе выявляешь очень быстро.

Ларин неторопливо бежал вдоль набережной, асфальт поближе к гранитному парапету местами просел, провалился. Ежегодные ремонты не помогали, дождевая вода всегда находила лазейку. А потому приходилось держаться чуть дальше от реки. Из боковой аллейки выскользнула бегунья в шортах, кроссовках и коротенькой майке, присоединилась к Ларину.

- Привет, Андрей, – негромко произнесла она и улыбнулась.
- Маша, я не знал, что и ты тут по утрам бегаешь, – изобразил удивление Ларин.
- Только сегодня и только ради встречи с тобой.
- Не ври, Дугин тебя прислал. Если бы хотела просто увидеть, то выбрала бы другое место.

- Хвоста за тобой нет, уже убедилась.
- И я это заметил.

Мужчина и женщина бежали рядом, ровно дышали, говорили, не поворачивая голов друг к другу. Так что издали казалось, кроме бега, их ничего и не интересует. Серебрилась река. Майская зелень была нереально яркой и сочной.

- Я на днях приступила к новому заданию, – произнесла Маша.
- Поздравляю, наконец-то Павел Игнатьевич доверил тебе «сольную» работу.
- Прекрати ерничать. Нужна твоя помощь.
- Всегда готов, – Ларин на ходу, дурачась, вскинул руку в пионерском салюте. – А в чем хоть дело?

Когда рядом с Андреем появлялась Маша, ему хотелось шутить, подкалывать ее. С этой женщиной Ларину было легко, он порой понимал ее без слов.

– Долго объяснять, да и неважно это. От тебя потребуется пожертвовать всего одним сегодняшним вечером.

– За один вечер можно многое наворотить. Даже государственный переворот организовать. Или спецпоезд под откос пустить.

– Вот этого как раз и не требуется. Все гораздо скромнее. Я пока еще на стадии мониторинга, – Маше пришлось сменить ногу, чтобы не наступить в неширокую лужу.

– Понятно. Ты получила задание для новичка. Подслушка, скрытая видеосъемка. Ходишь вокруг да около. И какую же роль ты мне приготовила? Типа, стану подставкой для микрофонной пушки?

– Мне нужно будет незаметно приблизиться к объекту – отдельно стоящему загородному дому. Отмониторить происходящее внутри и незаметно уйти. Вот и всех делов.

- Мне, значит, предстоит стоять на стреме или, как выражаются уголовники, на шухере.
- Примерно так.

Ларин подбежал к парапету, остановился возле него, посмотрел на лениво несущую свои воды реку. Издалека она казалась чистой, сверкающей в лучах утреннего солнца, но стоило заглянуть в воду, как тут же заметным становился всякий мусор, который течение тащило из большого города. Андрей повернулся к Маше, заглянул ей в глаза. Многое ему уже становилось ясно. Ну, хотя бы то, что мониторить придется людей уважаемых в определенных кругах, облеченных властью. Другие бы и не попали в поле зрения Дугина. Ну, а то, что требуется подстраховка в его лице, означало, что в загородном отдельно стоящем доме охрана поставлена отлично.

- И каким будет ответ? – прищурилась Маша.
- Я готов помочь тебе.
- Спасибо. С Дугиным уже согласовано.
- Значит, сегодня вечером? Выкладывай свой план.

Мужчина и женщина неторопливо побежали по набережной.

Глава 2

Уже основательно стемнело, даже на западе солнце больше не отсвечивало малиновым светом. Плавно текла река, таинственно шумел лес. На другом берегу перемигивались огоньки поселка. Близкая Москва лишь угадывалась по подсвеченному над горизонтом тысячами фонарей и неоновой рекламой небу. Ажурные фермы железнодорожного моста перекинулись над водой. Желтые прожектора на металлических конструкциях отражались в мелких волнах. Дал гудок буксир и неторопливо протасил под мостом баржу, груженную песком. Стремительно пронеслась, нервно стуча колесами, поздняя электричка. Освещенные окна полупустых вагонов были похожи на дырочки перфорации на киноплёнке.

Зашелестели прибрежные тростники, из них выбрались двое: женщина в облегающем черном трико и вязаной шапочке, а также мужчина в широкой бесформенной рыбацкой куртке, высоких резиновых сапогах. В руке он сжимал тонкое удилище.

– Это здесь, – Маша указала рукой на лес.

За деревьями угадывался тусклый свет фонарей.

– Тебя провести? – тихо спросил Андрей, вглядываясь в слабое свечение между деревьями.

– Я сама. Двоих легче заметить. Располагайся и будь наготове.

Ларин пожал плечами:

– Тогда успехов и до скорой встречи.

Маша поправила рюкзачок на плече, скользнула в лес и растворилась в нем. Андрей разложил брезентовый стульчик, забросил удочку, даже не удосужившись нацепить наживку, и устроился у воды. Стоявший возле его ног выключенный рыбацкий фонарь поблескивал анодированным боком и отражал все за спиной Андрея, как выпуклое автомобильное зеркальце заднего вида.

Маша пробралась между деревьев, кустов, стараясь не наступить на сухие ветви. Ее черное трико идеально сливалось с сумраком майской ночи. Вскоре кусты исчезли, дальше лес был тщательно ухожен, больше напоминал парк культуры и отдыха. Все подчищено, обрезано, даже опавшую хвою сгребли и вынесли. Впереди вздымался высокий четырехметровый забор с растянутой поверху спиралью колючей проволоки. На углах ограды виднелись камеры слежения, но в поле их зрения попадал только освещенный периметр. О доме, располагавшемся за этим забором, можно было судить лишь по крыше, все, что шло ниже, оставалось недоступным взгляду. Маша наведывалась сюда уже не первый раз, а потому не теряла времени на поиск удобной точки.

На первый взгляд казалось, что ни на одно из деревьев возле дома нельзя вскарабкаться, ведь все нижние ветви были аккуратно обрезаны вровень со стволом. Но так считала охрана особняка, а не Маша. К сегодняшнему дню она подготовилась основательно. В рюкзаке, кроме всевозможного оборудования, оказался и легкий графитопластиковый арбалет. Увесистый болт, заключенный в резиновую трубку, лег в желоб. Тихо щелкнула тетива. Болт взмыл вверх, унося за собой бечеву. Описав дугу, метательный снаряд перелетел через сук старой ели метрах в семи над землей и упал. Маша, осмотревшись и убедившись, что вокруг никого нет, привязала веревку к бечеве, перетасила ее через сук и специальным узлом закрепила на стволе.

Теперь оставалось только совершить подъем и замаскировать его следы. Ловко орудуя альпинистскими захватами, Маша взобралась на ель, дернула конец веревки, идущей к узлу у подножия дерева, и затащила ее к себе. Теперь даже внимательный наблюдатель не сразу бы разглядел затаившуюся в кроне Машу.

Молодая женщина устроилась поудобнее, насколько позволяла обстановка. Резко пахло смолой.

– Еще не хватало отсюда грохнуть, – пробормотала она, перезаряжая арбалет.

На этот раз в желоб лег болт другой конструкции. Его тоже обволакивала резина, чтобы не звенел, но наконечник был не тупым, а острым, чуть ниже него крепился цилиндр с микрофонной пушкой и передатчиком.

Маша разглядывала двор и дом. Перед крыльцом стояли две дорогие машины. Одна из них, как уже было известно Маше, принадлежала хозяину дома. А вот вторая – его гостю. Как она подозревала, не просто так приехали эти люди в загородный дом – подальше от чужих глаз и ушей. Стать этими самыми сторонними ушами-глазами и предстояло Маше. Сквозь не до конца повернутые планки жалюзи на первом этаже была видна комната охраны. Охранник в униформе сидел перед мониторами и коротал время за щелканьем семечек. Шелуху аккуратно складывал на расстеленную бумажную салфетку. Расстегнутая кобура с пистолетом висела на спинке стула.

Где именно расположились гость с хозяином, пока было непонятно: свет горел в некоторых окнах и на втором этаже, и в мансарде. Но долго размышлять над этим не пришлось. В воздухе явственно чувствовался запах горящих дров, а дымок, поднимающийся над трубой пристройки, свидетельствовал, что топится баня.

Когда хозяева дома, челядь не станет париться, ухмыльнулась Маша, задерживая свой взгляд на приоткрытой слегка запотевшей фрамуге.

Узкое горизонтальное окно располагалось высоко – с земли не заглянуть. Но Маша, как в детской сказке про девочку и медведя, «сидела высоко, глядела далеко».

«Значит, банька. Ну, а поскольку тихо и девки не визжат, то я не ошиблась, идет задущевный разговор», – подумала молодая женщина.

Вновь сухо щелкнула тетива арбалета. Стальной дротик впился в ствол дерева напротив приоткрытой фрамуги. Маша подсоединила к планшетному iPOD-у с наворотами наушники. Сигнал был пойман. Слышалось что-то не очень вразумительное. Плеск воды, крихтенье.

«Неужели ошиблась?»

Следом в наушниках раздалась вполне разборчивая речь:

– Ух, черт...

«Кажется, это хозяин».

Маша запустила еще один дротик из арбалета. На этот раз с миниатюрной телекамерой. Обе стрелы прятались среди ветвей, с территории их вроде не было заметно.

«Н-да, даже в детстве за мужиками в бане не подглядывала. Чем только в ведомстве Дугина заниматься приходится», – скривила губы Маша, настраивая камеру.

Экран был выставлен на минимальное свечение, чтобы не выдать себя подсветкой. Немного поколдовав с камерой, подкорректировав, Маша добилась вполне приемлемого изображения. В поле зрения попал бассейн, выложенный голубой смальтой, невысокий сервировочный столик с закусками и два плетеных кресла рядом с ними. В глубине виднелась стеклянная дверь в парилку, за которой, как рыбы в аквариуме, перемещались два голых покрасневшихся мужика.

Минут пять прошли в ожидании. Техника послушно записывала звуки и видео, но практического толку от этого пока не было.

«Даже на домашнюю эротику не сгодится. Стекло-то запотевшее».

Наконец дверь в парилку открылась, закрученный в простыню хозяин пропустил вперед себя моложавого гостя, пожелавшего лишь прикрыть бедра полотенцем. Маша обратилась в слух и в зрение.

Хозяин особняка поправил простыню, закрученную вокруг рыхлого, покрасневшегося тела на манер римской тоги, и несколько подобострастно указал гостю на плетеное кресло. Было странно видеть, что один из десятка самых богатых людей страны так обходителен с наглым мужчиной, годящимся ему в сыновья. Олигарх Владимир Данилович Мясникович, сумев-

ший подмять под себя производство инсулиновых препаратов, имел для этого все основания. В костюме, при галстукe он, конечно же, казался внушительнее. Теперь же, в тоге и с голыми волосатыми ногами, выглядел смешно и легкомысленно. Несмотря на волевое лицо, строгий взгляд и благообразную седину, в нем угадывались внутренняя пустота, бездушная жесткость к одним и подобострастие к тем, кто в данный момент сильнее. Его гость и собеседник даже не пытался прятать свою истинную сущность за «маской». Моложавый Павел Янчевский выглядел холеным наглецом, который наглеет до тех пор, пока чувствует, что оппонент способен терпеть его выходки. Про таких, как он, люди среднего поколения обычно говорят «комсомольская рожа». Вот так, комсомола давно уж нет, а «комсомольские рожи» остались.

Начало разговора Маша не слышала, но почти с ходу поняла, о чем и о ком идет речь. Собеседники уверенно оперировали цифрами.

– ...раньше стоило пять лимонов на рыло, а теперь восемь, – уверенно заявил Янчевский, вперив взгляд в переносицу благообразного Мясникова.

– И это называется антикризисным предложением? – попытался мягко возразить Мясников.

– Зато с гарантией! – отчеканил Павел. – Кризис – он на Западе, а у нас кризиса нет, новости смотреть надо. В конце концов, не я на тебя с предложением вышел, – без зазрения совести Янчевский назвал человека вдвое старше его на «ты». – Не хочешь – не подписывайся.

Владимир Данилович не обиделся на «тыканье», зашевелил пухлыми губами, что-то подсчитывая в уме. Глаза его приняли задумчивое выражение. Олигарх один за другим загибал пальцы; когда ладонь его сжалась в кулак, лицо его просветлело.

– Пяток «лимонов» – это же теперь не деньги, – напомнил Янчевский. – Все дорожает, соответственно и товар, который мне поручили. На цену обижаться нельзя. Кто-то может себе и виллу в Испании позволить, а кому-то на кусок колбасы не хватает. Да и восемь «лимонов» это несерьезные деньги, цена, как говорится, по старой дружбе. В следующем сезоне по десять станет, и то для своих. Ну, так скольких тебе провести надо?

– Пять за тридцать пять «лимонов», – проговорил Мясников, и в его голосе впервые прорезались металлические нотки.

– Это что ж за арифметика такая? Пять на восемь – сорок будет. Таблица умножения, – насторожился Янчевский.

– Нет – у нас с тобой будет тридцать пять.

– Почему так?

– Во-первых, потому что в рифму, а во-вторых, оптовая закупка у меня, значит, скидка положена. Я же не спрашиваю тебя, Паша, сколько ты посреднических навариваешь на каждом протеже! Я предложил, а ты теперь посчитай, срубишь ли столько в другом месте...

Теперь пришла очередь Янчевского беззвучно шевелить губами. Странная у этих двоих получалась математика.

Тем временем охранник перед мониторами забросил в рот последнюю семечку из пакета и, выудив из пачки сигарету, подошел к окну. Сквозь планки жалюзи потянулась струйка дыма. Мужчина посмотрел на раскачивающиеся над забором деревья, на камеры по углам. Докурив до самого фильтра сигарету, вытряс огонек на отмостку здания, окурок сунул в пустую жестянку из-под пива, зевнул и закрыл окно. Планки жалюзи повернулись. Охранник вернулся к мониторам.

Рутинное занятие быстро притупляет бдительность. На всех мониторах картинка оставалась неизменной, казалось, что на экранах застыли стоп-кадры. И только присмотревшись, можно было заметить, что деревья все-таки иногда оживают под ветром.

Рука легла на джойстик управления камерами. Картинки сдвинулись, но новые сектора наблюдения тонули в темноте – ни черта не видно. Охранник включил инфракрасную подсветку. Прожектор, освещающий местность лучами невидимого для человеческого глаза диа-

пазона, установили совсем недавно. На экранах пейзаж стал светлым, словно день стоял на дворе. Техническая новинка еще не приелась охраннику, присутствовала новизна ощущений. Камера поворачивалась. По экрану в черно-белом изображении ползли ветви, стволы. И тут охранник вздрогнул. На ели метрах в семи от земли горели два глаза. В первые мгновения стражу особняка показалось, что на толстой ветке затаилась черная пума, он даже отпрянул от экрана.

– Не может быть, потому что это невозможно, – проговорил он, делая укрупнение...

Маша, увлекшись подслушиванием, завороченная магией семизначных чисел, спохватилась слишком поздно. Из-за наушников не заметила тихих шагов внизу. Прямо под елкой резко вспыхнули два мощных фонаря. Конусы их света сошлись на ней, как свет от прожекторов противовоздушной обороны.

– Точно, кто-то на елке сидит. А я думал, показалось, оптический обман, – долетел до нее хриплый голос.

– А вдруг он пальнет? – послышался более осторожный возглас.

Фонари тут же погасили из соображений безопасности.

«Вот же черт», – подумала Маша, выключила iPod, засунула его в водонепроницаемый рюкзак.

Записанного вполне хватало, чтобы составить себе впечатление о том, чем на самом деле занимаются Мясникович с Янчевским, что планируют на будущее. Но это утешало мало. Внизу в темноте стояли два охранника, наверняка с оружием. Надо было как-то спуститься и удрать. Но как это сделать?

– Эй, ты, а ну слезай на хрен, – прозвучал приказ.

Маша проигнорировала приглашение и взяла в руки арбалет. Тетива была взведена, в желоб лег увесистый дротик.

– Слезай. Все равно достанем.

И на этот раз Маша промолчала.

– Я его щас из «травматика» сниму, – послышался внизу шепот.

– Свалится однозначно, шею свернет, – прозвучало резонное возражение. – Да и хозяин трусливый, стрельбы испугается. Лестницу притащить надо.

Далее охранники уже шептались так тихо, что понять их дальнейшие планы стало невозможно. Маша осторожно передвинулась по толстой ветви от ствола, теперь снизу ее закрывали густые еловые лапы. Стрелять и попасть в нее при таком раскладе можно было только длинной автоматной очередью. Но и сидеть далее – только время затягивать.

«Сейчас подмогу позовут».

Маша не стала дожидаться, пока запищат рации и сменщики притащат лестницу. Она нагнулась, раздвинула еловые лапы под собой ногой и прищурилась. Теперь глаза после подсвеченного монитора iPod-а уже адаптировались к темноте, кое-как охранников можно было рассмотреть, они жались к соседнему дереву и что-то обсуждали, жестикулируя. Сухо щелкнула тетива, увесистый дротик с тупым наконечником ушел вниз. Послышался глухой удар.

– О ё... – заскулил тот, кому стремительно летящая железка ударила в голову.

Маша, не теряя времени, резко включила фонарик, на мгновение луч света выхватил из темноты двух мужчин. Один катался по траве, держась за голову, другой тупо смотрел на него, раскрыв рот. Маша отбросила фонарик, тот полетел, чертя в ночном воздухе огненную дугу. Расчет был верен, оставшийся на ногах охранник машинально проводит полет фонаря взглядом, можно выиграть несколько секунд, а в сложившейся ситуации это немало. Затем Маша прыгнула, изо всех сил вцепившись в рукоять альпинистского приспособления для скоростного спуска. Веревка разве что не задымилась, когда женщина прижала тормозную колодку. В вышине предательски хрустнула ветка. Машу качнуло на гигантском маятнике в полутора метрах над землей. Охранник уже выхватил пистолет, но не смог поймать Машу в прицел. Она

в полете изловчилась и сумела зажать его шею ногами и поволокла за собой, чуть не оторвав от земли. И все же выстрел прозвучал. Это было плохо.

Маша бросилась убежать, но, не сделав и четырех шагов, упала. Искусно подставленная подножка заставила ее растянуться на земле. И тут же на женщину навалился второй охранник. С разбитого арбалетным дротиком лба капала кровь.

– Так это ж баба! Сучка чертова! – прохрипел охранник, открытие явно придало ему решимости, он рывком сумел перевернуть свою добычу на живот и принялся заламывать руки.

Внезапно хватка ослабла, запястья освободились. Маша резко откатилась и села, готовая дать бой. Над уткнувшимся лицом в траву охранником стоял Ларин, в руке он сжимал раскладной рыбацкий стульчик. К металлическому каркасу прилип клочок волос. Охранник глухо застонал.

– Жив, – сухо констатировал Андрей.

Со стороны въездных ворот особняка уже мелькали фонари, слышались топот и встревоженные голоса.

– Я ж ему говорил...

– Надо своей головой думать...

Что, кто и кому говорил и о чем надо думать своей головой, узнать так и не довелось, следовало спешить.

– Чего расселась? Сваливать, дорогуша, надо!

Ларин схватил Машу за руку и поставил на ноги.

– В порядке?

– Кажется, да.

– Тогда побежали.

Они понеслись, с хрустом вломились в кусты. Сзади пару раз хлопнули выстрелы. Пока еще стреляли вверх голов.

– Стой!

– Ага, сейчас, разбежался, – на ходу проговорил Ларин, увлекая Машу на тропинку.

Впереди за тростниками уже переливалась в скупом ночном свете река.

– Перепрыгни! – Андрей подхватил Машу под локти и буквально перенес через что-то невидимое.

После чего они вдвоем ломанулись в сухой тростник. Под ногами зачавкала вода. Ларин остановил Машу, прислушался.

– Делай, как я! – он зажал уши руками, зажмурился и присел.

Молодая женщина не стала искушать судьбу и в точности все повторила. Над головами пули срезали несколько стеблей. А затем гроыхнул взрыв, полыхнула ослепительная вспышка. Преследователи, конечно же, не заметили растянутой над тропинкой рыболовной лески. От растяжки сработала световая граната.

Ларин помог Маше забраться в надувную моторку и запустил двигатель. Лодка, шлепая по воде дном, стремительно набирала скорость. Над тростником рассеивался дым.

– Хоть не зря все это? – поинтересовался Андрей.

– Что успела записать, то со мной, – отозвалась Маша.

– Опять сюрпризы? – прислушался Ларин.

За поворотом реки слышался нарастающий гул моторов.

– Похоже, что так. У них там частный причал есть.

На середину реки вырулили четыре водных мотоцикла, шли цепью, то и дело взлетая над поверхностью.

– К тому берегу никак не успеем, – прикинул Ларин.

Сомнений не оставалось в том, что на тихходной надувной моторке от стремительных скутеров не уйти.

– Попробуй к мосту, – посоветовала Маша.

– Рисуем, – Андрей уже сменил курс и всматривался в приближающуюся к пролету баржу.

– Она нам и поможет разойтись.

– Надеюсь.

Водные мотоциклы стремительно приближались, теперь можно было даже рассмотреть лица людей. Их выражения ничего хорошего не предвещали. Кутерьма, которая поднялась у особняка, наверняка была не по душе хозяину. Он-то платил охране за конфиденциальность и спокойствие, а не за ночную стрельбу и гонки по реке.

– Канистру поджигай! – крикнул Ларин.

– Зачем?

– Еще один вопрос – и незачем будет поджигать.

Маша уже сообразила, что задумал ее напарник. Она подхватила канистру, затолкала в горловину тряпку, перевернула и подожгла. Полупустая пылающая канистра полетела за корму. Моментально вспыхнул разлившийся по поверхности бензин. Преследователи не рискнули рваться через огонь, ушли в сторону. Из-за чего явно не вписывались в пролет моста, куда Андрей вел моторку. Буксир, толкающий баржу, уже вплывал в него. Рулевого явно смутило внезапно возникшее огненное пятно прямо по курсу и летящая навстречу надувная моторка. И он то ли решил сбавить ход, то ли вообще дал полный назад. Вода за кормой вспенилась высоким белым валом. Сцепка не выдержала, разорвалась. Неуправляемая баржа с песком пошла вперед по инерции. Течение стало разворачивать ее поперек пролета и понесло на опору.

– Не проскочим! – крикнула Маша, когда моторка уже поравнялась с опорой, а впереди чернел борт старой баржи, груженной песком.

За другую сторону опоры уже залетали скутеры. Охрана Мясниковича намеревалась перехватить беглецов сразу за мостом.

– Сам вижу, – отозвался Ларин, выпустил ручку двигателя и, схватив Машу, свалился с ней за борт.

Темная, как битум, вода сошлась у них над головами...

Неуправляемая моторка врезалась в баржу. И тут же ржавая громада ткнулась бортом в опору железнодорожного моста, но столетняя кладка из каменных блоков удар выдержала – заскрежетал раздираемый металл. Вода хлынула в пробоину. Баржа еще держалась на плаву, но быстро кренилась. С нее посыпался песок. Нос вздыбился, корма ушла под воду, и баржа села на мель, перегородив собой фарватер. Вокруг нее неторопливо нарезали круги водные скутеры. На поверхности плавали масляные пятна, мусор, тряпье, вынесенные из трюма водой. Охранники, подсвечивая себе фонарями, изучали место крушения.

– Да их стопроцентно по опоре размазало, – прозвучал уверенный голос.

– Ты видел?

– Проскочить хотели, но не успели. Ты сам посмотри.

Лучи фонарей сошлись на том, что осталось от моторки. В прорванном резиновом корпусе еще сохранялись остатки воздуха, на кормовой доске одиноко торчала обломанная трубина подвесного мотора.

– Металл даже не выдержал. А людей как пить дать размазало.

– Все равно искать надо.

– Да хрен в этой темноте чего найдешь. Течением стащит и к берегу прибьет. На пляж у поселка всех утопленников выносит. Даже тех, кто за десять километров выше утонул. Место там такое...

Больше всего Ларин боялся упустить Машу. Он крепко держал ее за руку. Грохот, скрежет металла над головой буквально оглушали, ведь звуки под водой разносятся куда лучше и быстрее, чем в воздухе. Ничего не было видно, сплошная темнота и муть. Андрей даже не сразу

сообразил, где верх, а где низ. Он не успел толком вдохнуть, покидая моторку, и теперь нестерпимо хотелось глотнуть спасительного воздуха. Маша вроде бы двигалась сама. Но Ларин не был в этом до конца уверен. Ведь течение стало сильным, завихренным. Это происходило из-за опускающейся баржи, все меньшим и меньшим оставался просвет между ней и днищем. Только Андрей про это не успел подумать. Продолжая держать Машу, Ларин стал всплывать, но вместо того, чтобы оказаться на поверхности, врезался головой в металл. Маша тоже ударилась, она дернулась и выскользнула из его рук. Ларин метался, «ловил» руками воду, но все впустую. Кислородное голодание уже готово было отключить мозг. Андрей вынырнул, несколько раз глубоко вздохнул и снова ушел под воду. Он нырял и нырял в поисках Маши до тех пор, пока баржа не легла на дно.

Ларин притаился у самого борта. Неподалеку неторопливо плавали скутеры, вспыхивали фонари. По обрывкам разговоров Андрей догадался, что Машу не выловили: ни живой, ни мертвой. Он огляделся, но так и не сумел отыскать над водой голову своей напарницы. Ему не хотелось думать о худшем. Ларин прикинул, что лучше плыть не к ближайшему берегу, а к дальнему. Ведь все внимание охраны было приковано к месту возле затонувшей баржи. Он поднырнул, проплыл, сколько мог, под водой. Миновал полосу, в которой шарил фонари, и только тогда вынырнул и осмотрелся. Но Маша так и не появилась. Андрей сжал зубы и стал загребать к далекому высокому берегу. Он испытывал какое-то оцепенение. Было наплевать, пусть увидят, пусть подплывут, попытаются схватить. Ларин чувствовал, что способен сейчас порвать на «британский флаг» любого, притом сделать это голыми руками.

Наконец он ощутил ногами вязкое илистое дно. Подплыл к берегу как можно ближе и выбрался на сушу. Вдалеке светились огоньки, буксир кружил вокруг затонувшей баржи. Издалека зрелище казалось безобидным и даже романтическим.

Ларин стал взбираться по крутому откосу. И тут услышал снизу тихий возглас:

– Андрей?

Ларин улыбнулся:

– Маша?

– Я уж думала, что не увижу тебя.

– Взаимно.

Маша торопливо стала взбираться к Ларину, он протянул ей руку, и вот, когда их пальцы уже готовы были соприкоснуться, женщина поскользнулась, нога поехала по раскисшей глине. Маша взмахнула руками и покатила вниз по крутому склону.

Сперва Ларина это даже позабавило, все-таки пережитый стресс давал о себе знать.

– Эй, поднимайся, – позвал он.

И тут ему впервые довелось услышать, как Маша ругается матом.

– ...кажется, ногу сломала.

Ларин, оскальзываясь, спустился к ней с высокого берега.

– Покажи, – он до последнего не хотел верить в услышанное.

Знаний Андрея хватило на то, чтобы определить – кости целы, а вот связки, скорее всего, разорваны.

– Угораздило же меня, – кусая губы, всхлипывала Маша.

Мокрая после ночного заплыва через реку, вывалившаяся в песок и глине, она выглядела жалко и теперь напоминала Ларину не одного из способных агентов организации, возглавляемой Дугиным, а несчастную девчушку, которой по жизни не везет.

– Просто не твой день... Такое случается... – пытался подыскать банальные слова утешения Ларин. – Информацию хоть не потеряла, iPod цел?

– Что с ним, на хрен, делается?! Это же железо.

Маша при помощи Ларина поднялась, держась за его плечо, не шла, а прыгала на одной ноге. Подъем оказался сложным, пришлось двигаться окольным путем. Наконец напарники оказались наверху.

– Одна радость, хоть согрелась, – попыталась шутить Маша.

Но на лице читалась боль; чувствовалось, что она вот-вот потеряет сознание.

– Подожди меня здесь, я сейчас, – попросил Андрей, усаживая молодую женщину на поваленное дерево.

– Ты куда? – пробормотала она.

– Я скоро вернусь.

Машу бил озноб, она терла себя руками по плечам, зябко ежилась, хотя понимала, что трясет не от холода, просто так организм реагирует на серьезную травму. Она уже плохо сообщала, когда, переваливаясь по кочкам, к ней подъехала машина «Скорой помощи». Женщина сидела, сжимая в руке арбалет, и твердила:

– Не подходи... не подходи...

– Это я, – произнес санитар в униформе. – И «Скорая помощь» наша. Дугин прислал. Дай помогу тебе на носилки лечь. Отдай рюкзак мне и арбалет тоже.

Маша только увидела, что санитар – Ларин. Она знала, что в их организации есть и своя «Скорая помощь», в бригады медиков входят только сто раз проверенные люди, но пользоваться ее услугами еще не приходилось. Если рана не огнестрельная, не резаная, то доставят в обычную больницу, и сопроводительные документы будут в «полном порядке», мол, обычная бытовая травма. Если рана от пули, ножа, найдется и свой хирург.

– Ты не мог при мне им позвонить? Одну оставил... – бормотала Маша, когда «Скорая помощь» уже мчалась по шоссе.

– Должен же я их был на шоссе встретить.

Ларин сидел рядом с женщиной и держал ее за руку.

– Тупо все получилось. Ты материалы Павлу Игнатьевичу передай, он на них сильно рассчитывал.

Андрей мог сойти и по дороге, но все же сопровождал Машу до больницы, даже дождался, пока ее оформят в приемном отделении. И только когда убедился, что о ней хорошо позаботятся, вышел на улицу.

– Такси! – взбросил он руку, заведя медленно выезжавшую с территории больницы машину с фонарем на крыше.

Водитель затормозил и сдал задом. Ларин как был, в униформе санитара «Скорой помощи», так и плюхнулся на заднее сиденье, бросил рядом все еще влажный рюкзак Маши. Единственным его желанием было поскорее добраться до дома. Он назвал адрес – по привычке лишь улицу без номера дома-подъезда и тем более квартиры.

Водитель, не поворачиваясь, поучительно бросил через плечо:

– Никогда нельзя брать первую попавшуюся машину. Это правило даже новички знают. Всегда бери вторую, а то и третью. Так не попадешься на подставу.

Ларин вскинул голову. Водитель наконец-то повернулся. На Ларина пристально смотрел Павел Игнатьевич Дугин.

– Устал я.

– Понимаю. И мне из-за вас поволноваться пришлось. Ну, показывай, что вы там раздобыли, пинкертон-вредители, – и руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти протянул руку.

– Я даже понятия не имею, кого она там записывала и что из этого получилось. Но Маша говорила, что мешок водонепроницаемый, – Ларин с легкой душой расстался с iPod-ом, надеясь, что больше вспоминать ему о нем не придется, в конце концов, специалистов у Дугина хватало.

* * *

Уже утром следующего дня Павел Игнатьевич вновь потревожил Ларина...

Андрей привычно вышел из подъезда и побежал трусцой. Сзади послышался тихий гул двигателя. Ларин принял с проезда к тротуару, чтобы пропустить машину. Но автомобиль, поравнявшись с ним, сбавил скорость и поехал рядом. За опущенным передним стеклом показалось улыбающееся лицо Дугина, хотя чаще Андрей привык видеть своего шефа мрачным и погруженным в думы.

– Садись ко мне, один раз пробежку можно и пропустить. Не смертельно, – вместо приветствия обронил Дугин и затормозил.

Ларин сел рядом с Павлом Игнатьевичем, и автомобиль выкатил со двора на улицу, влился в поток машин. Куда едут, зачем, Андрей не спрашивал. Так уж было заведено в организации. Надо – все объяснят, если не надо – будешь знать ровно столько, сколько положено.

– Держи, посмотришь на досуге, – Дугин положил на приборную панель диск в бумажном конверте. – Маша молодчина, все записала как следует. Одно жаль, что и дальше этими чудилами заниматься не сможет, – шеф кивнул на диск. – Связки ей, кстати, успешно сшили, но на ноги она встанет не очень скоро.

Из сказанного вполне логично вытекало, что сейчас последует предложение заняться «этими чудилами» Ларину. Но он не стал торопить события, просто положил диск в карман спортивной куртки. Андрей всегда, когда ему приходилось сидеть на пассажирском месте, чувствовал себя неуютно, непроизвольно следил за дорогой так, как это делал бы водитель. А у Дугина была совсем другая манера вождения.

– Очередной ролик из «жизни животных»? – усмехнулся Ларин.

– В точку. Причем из жизни опасных хищников, – улыбкой на улыбку ответил Дугин. – Даю краткую вводную. Меня интересует пожилой мужик, думаю, и сам на видео его узнаешь – Владимир Данилович Мясникович, это его охрана вас с Машкой чуть на тот свет не отправила.

– А, олигарх... – тут же вспомнил знакомую фамилию Андрей. – Где большие деньги и госзаказы, там и коррупция.

– Верно мыслишь, – Дугин великодушно пропустил машину, спешившую перестроиться в крайний левый ряд. – Но на этот раз его левые доходы меня не сильно интересуют. Интересуют расходы. Важно знать, куда успешный предприниматель решил вложить деньги. Так вот, его моложавый собеседник – Павел Янчевский.

– Эта фамилия мне ни о чем не говорит, – честно признался Ларин.

– Неудивительно. Мелкий бес. Инициативный мерзавец. В недавнем прошлом функционер молодежного крыла кремлевской партии. Делал все, что требовали от него старшие партайгеноссе, воровал у них в меру, по чину, чем и заслужил уважение, и теперь допущен к взрослым играм. В настоящее время работает на Стариканова.

Ларин кивнул, вслед за фамилией в памяти тут же сразу же всплыл и колоритный портрет знаменитого политтехнолога. Клочковатая борода, очки-велосипед, брюшко. Короче, типичная пародия на русского патриота-интеллигента. Стариканов был частым гостем всяких околуполитических телешоу. Журналисты любили приглашать его из-за неприкрытого словоблудия и беспринципности. Голос он имел мягкий, обволакивающий, вдобавок по старорежимному «окал», какой бы вопрос ни поднимался, все сводил к величию и духовности русского народа. Слова «соборность», «народность» и «богоизбранность» умудрялся произносить на полном серьезе.

– А, Нил Константинович, – Ларин даже припомнил имя-отчество политтехнолога.

– По паспорту он, правда, не Нил, а Нинел, – уточнил любящий во всем точность Дугин. – Коммунисты-родители давали раньше и такие имена. Нинел – это Ленин, написанное задом наперед.

– Сын за родителей не в ответе, – заявил Андрей.

– Ну, не скажи. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Ленин наоборот – это очень даже по-старикановски. При всем своем патриотизме он не на «Жигулях» ездит, а на «Бентли», отдыхает не на Селегире, а в Испании, дети его в Великобритании живут, да и бизнес держит за границей. При всем при этом очень влиятельная фигура в партии, именно он составляет избирательные списки в Госдуму. А ты знаешь, сколько стоит стать депутатом?

– Думаю, немало.

– Ты диск внимательно просмотри, я туда много всякой полезной информации к «хоум-видео» Маши добавил. Вот реальный ценничек и узнаешь. Так вот, Янчевский – посредник между Старикановым и деятелями, которые желают или сами стать депутатами, или хотят проташить в Думу нужных себе людей. А Мясникович – олигарх, который хочет проташить по партийным спискам своих холуев в Госдуму, чтобы рассовать их потом по Комитетам и чтобы те потом не только отработали вложенное бабло, но и хорошенько заработали для хозяина. Каким именно образом? И на этот вопрос найдешь на диске ответ. Капиталовложения в депутатство теперь одни из самых прибыльных.

Ларин хотел спросить, какую роль ему готовит Дугин, но не успел.

– Все, приехали, – сказал Павел Игнатьевич, подруливая к бордюру.

Ларин сразу же узнал это место. Именно тут в первый день нового года на двух «топунов» рухнула глыба сосулек. Именно здесь он оставил оранжевый жилет работника коммунальной службы и ушел. С тех пор не возвращался сюда. А зачем?

О трагедии, случившейся меньше полугода назад, напоминал лишь завядший букетик цветов, прикрученный проволокой к водосточной трубе на уровне человеческого роста. Вряд ли экскурсия «по местам боевой славы» была случайной.

– Почему мы именно здесь? Это как-то связано с предыдущим разговором? – поинтересовался Ларин.

– Самым непосредственным образом, – оживился Павел Игнатьевич, поглядывая на высокий карниз, с которого сорвались смертоносные сосульки, после чего без видимой связи произнес: – Вот ты, Андрей, считаешь, что Госдума абсолютно бесполезная структура.

– Вообще-то не я один так считаю, народ так думает.

– И правильно делает. При сложившейся политической архитектуре в стране эта структура не только бесполезная, но и чрезвычайно вредная. Вместо своей изначальной функции – разделения властей, она сегодня выполняет одну-единственную функцию – распила бюджетных денег. А деньги из воздуха не берутся. Возьмем твой случай. Сорвавшимися с карниза сосульками убивает двух людей. И это на праздник, в центре одного из самых больших и богатых городов Земли. Несчастный случай? Да, но запланированный несчастный случай. Коммунальные службы вовремя не сбили с карниза лед. Но деньги-то на это были выделены, и не сомневайся, что их успешно «освоили». А там, по весне, пойдешь разберись, сколько раз лед сбивали – один или десять? То же самое с подметанием улиц, нагревом воды, отоплением... А школьные обеды, льготные лекарства, ремонты общественных мест, улиц, асфальт, плитка? Это же сколько всего разворачивается.

– Как я понимаю, вы не о маляре, который на работе отлил себе в полулитровую баночку краску?

– Я о руководителях служб. Денежные должности элементарно продаются. Приличному профессионалу на них практически не попасть. Чтобы отбить деньги, надо красть и делиться. Вот так по всей цепочке – от начальника ЖКХ до думской комиссии. А при этом народу кажется, что торговля депутатскими мандатами – это ерунда, которая их не касается. Для

большинства россиян само слово «депутат» что-то вроде матерного ругательства, а правящая партия – опостылевшая картинка в новостях. Но через думские Комитеты продаются министерские портфели, должности в крупных производственных объединениях, в региональных управлениях по социалке, здравоохранению, образованию, дошкольному воспитанию и так далее... А простым людям уже не безразлично, кто станет председателем областного Пенсионного фонда, руководителем регионального Управления здравоохранения, местным чиновником по школам и детсадам: вор, тупица или честный профессионал. Но они не видят связи, не хотят понимать, откуда ноги-то растут, – Дугин внезапно повернулся к Ларину лицом. – Вот ты и должен будешь связать в сознании людей эти две вещи.

– Я не волшебник, Павел Игнатьевич, – ответил Андрей.

– И я не волшебник. Но есть одна многоходовая и опасная комбинация. Я долго думал над ней. Для начала придется ввести тебя в думские коридоры, ты станешь одним из звеньев цепочки.

– Вам это не кажется фантастикой? – не стал скрывать Ларин своих сомнений.

– Нисколько. Но придется устранить Янчевского, и ты займешь его место. Как? Об этом чуть позже. Не переживай, он уже десять раз заслужил наказание. За ним два изнасилования несовершеннолетних, причем одна девушка после этого наложила на себя руки – с крыши своего дома прыгнула. А еще...

– Мне и этого достаточно, – остановил Павла Игнатьевича Ларин.

– Но только устранить его придется аккуратно, так, чтобы сперва ни у кого не возникло сомнений, будто это Божья кара. Вот, как случилось с «топтунами» – сосулька могла упасть и тебе на голову, но «Бог на них послал», потому что наше дело правое, а их – нет. Итак, слушай...

Глава 3

Средиземное море плескало в берег ласковыми волнами. Небольшой старинный город Сичез поблизости от Барселоны жил своей обычной курортной жизнью. Белели паруса и топорщились мачты в яхт-клубе, отгороженном от открытого моря длинным волноломом из каменной наброски. На пляжах нежились туристы. Парочка бомжей-албанцев, стоя на пирсе, добывала себе на выпивку ловлей крабов. Они на веревке опускали на полчаса в воду тухлую курицу-гриль, завернутую в рваную майку, а потом вытаскивали и собирали уцепившихся за нее крабов, чтобы сдать в ближайшее кафе.

Сичез – городок не только старинный, но и фешенебельный, без больших денег там делать абсолютно нечего. Во все времена здесь любили останавливаться знаменитости. Постоянно отдыхали и писатель Честертон, и режиссер Бюнюэль. А через дорогу от променада на клумбе перед одним из средневековых домов высился небольшой постамент с памятной табличкой, извещавшей, что именно здесь жил и творил великий художник эпохи Возрождения Эль Греко. Естественно, владелец этого исторического дома не упустил случая заработать на этом. На первом этаже располагался один из самых дорогих ресторанов на здешнем побережье, названный скромно и со вкусом «Эль Греко».

Дорогой – это еще не значит броско-шикарный. Солидная мебель, сделанная на века, компактный и уютный зальчик на десяток столиков, небольшое возвышение, на котором по вечерам исполняли классическую музыку, на стене две оригинальные картины кисти самого Эль Греко. А подобными не каждый столичный музей живописи может похвалиться. Как обычно, днем посетителей было немного. Чуть слышно звякали столовые приборы, велись тихие душевные разговоры.

С улицы зашел старый испанец в добротном светлом костюме и сел за столик. Официант торжественно подал ему меню в кожаной обложке. Старик хлопнул себя по карману, виновато улыбнулся и сильно прищурился – не мог, бедняга, прочитать без забытых дома очков ни строчки. Официант, солидный, как университетский преподаватель, попросил подождать секундочку, сходил за перегородку и вернулся с деревянным ящичком, в котором ровными рядами были составлены десятки очков всех мыслимых и немыслимых диоптрий. Посетитель привычно выбрал себе подходящие очки и погрузился в чтение. Все это священнодействие, невозможное даже в самом крутом российском ресторане, произошло не показушно, а без лишнего пафоса, чинно и спокойно. Чувствовалось, что традиция держать очки для забывчивых посетителей существует тут уже целое столетие, а то и больше.

Внезапно «скромное обаяние буржуазии» в стиле Бюнюэля было нарушено самым наглым образом. Жалобно звякнул колокольчик у входной двери, и в небольшой зал не зашла, а ввалилась шумная компания. Похмельный Паша Янчевский, прилетевший в Барселону на выходные, решил оторваться с двумя девицами, прихваченными из Москвы.

Столовые приборы, которыми почти бесшумно ела солидная публика, зависли над блюдами. Троица нормально смотрелась бы на пляже, но только не здесь. На Паше были широкие шорты, доходящие до колен, и крикливо-красная майка с державной эмблемой родной партии-кормилицы и с двуглавым орлом. Длинноногие девицы своими вызывающими нарядами подозрительно напоминали проституток.

– Вау... – разочарованно протянула блондинка. – Ты же, Пашка, обещал самый дорогой и навороченный ресторан. А тут забегаловка какая-то, – оглядела она однотонные стены с ренессансной лепниной и белоснежные скатерти.

– Пошли отсюда, – предложила брюнетка.

– На хрен мотаться? Лишь бы бухло человеческое нашлось, – Янчевский, шлепая сланцами, пересек зал, плюхнул на стол борсетку, после чего звонко щелкнул пальцами над головой и выкрикнул: – Эй, человек!

Официант нервно сглотнул, но все же сохранил профессионально-вежливое выражение лица и подал Янчевскому с «дамами» меню.

– Что ты мне тут тычешь? – отмахнулся от кожаной обложки Паша. – Все равно повашему ни хрена не понимаю. Ты нам пельмешек, что ли, сообрази, да и водочки.

Официант смотрел непонимающе. Старик-испанец, ничего не говоря, положил очки в ящичек, закрыл меню и покинул ресторан.

– Пель-ме-ни, – по складам произнес Янчевский, словно от этого официант мог понять незнакомое ему слово. – Я же тебе человеческим языком говорю. Пельмени сообрази и водочки. Мы же вам всем деньги платим – великая энергетическая держава, могли бы уже и русский выучить.

– Да не видишь, он же чурка неотесанный, – засмеялась блондинка.

– Пельмени? – наконец повторил официант, хотя было ясно, что слова не понял.

– Водяру сперва принеси, – напомнила брюнетка.

Официант удалился, на ходу бормоча под нос «пельмени», боялся забыть это слово.

Ларин, сидевший за угловым столиком вполоборота к компании соотечественников, ненавязчиво к ним присматривался и чинно ел суп-гаспачо.

На кухне ресторана, наверное, все же нашелся тот, кто разгадал «ребус» Янчевского. Ведь вернувшийся официант принес-таки равиоли.

– Видишь, – обрадовалась брюнетка. – Они, как и наши чернозадые, только вид делают, что не понимают. Пельмешки!

Официант поставил перед Янчевским рюмку, хотел влить в нее немного водки – клиенту на пробу. Вдруг не понравится? Но Паша прижал ладонью горлышко.

– Полную лей! И телкам рюмашки принеси. А то они типа трезвые будут, а я вдребезги бухой?

Ларин продолжал наблюдать за Янчевским. Следил он за ним с самого утра, а потому теперешнее хамство молодого политика его особо не впечатляло. И не такое вытворял. Правда, теперь хоть мата от него не слышал. Удивляло другое: в принципе люди типа Янчевского, когда надо, умеют вести себя относительно пристойно, но временами позволяют себе форменное скотство.

Паша тем временем поставил полную рюмку на локоть и, поднявшись, громогласно произнес:

– За Великую Россию! Гип-гип, ура! – после чего по-гусарски, с локтя, и выпил.

По смыслу вроде бы все было правильно и идейно выдержано. Ларин и сам не имел ничего против величия России. Но «мелкий бес» Янчевский заражал вирусом похабства все, к чему прикасался. О любви к Родине ли, к женщине ли нельзя кричать, паясничая на публике. Любовь – она должна быть в сердце, в голове и в поступках.

Водка, принятая на вчерашние дрожжи, быстро подействовала. Янчевский принялся нести девицам всякую муть, похваляясь тем, какой он «великий и ужасный». Троица явно начинала скучать, маяться.

Ларин не мог взять в толк, какой смысл было ехать за тридевять земель в Испанию, чтобы пожрать водку и пельмени, если все это и на родине сделать можно. Вряд ли и сам Янчевский мог бы дать толковый ответ на этот вопрос. Наконец заскучавший Паша вновь подозвал официанта щелчком пальцев.

– Ты, это... нам с собой собери. Пузырь еще один холодненький, ну и пайку. Мы на пляже догонимся.

На этот раз Янчевский все же удосужился объясняться не только словами, но и жестами. Показывал на бутылку, на девиц и на пляж, видневшийся за променадом. Официант не заставил себя ждать, ему и самому хотелось поскорее избавиться от шумных и наглых посетителей, начисто выпадавших из формата ресторана «Эль Греко».

Вскоре перед троницей уже стояла корзина для пикников, из-под белоснежной салфетки выглядывало запотевшее горлышко бутылки.

– Могут же, когда захотят, – Янчевский заглянул под салфетку. – Службу рубят, даже рюмки положили.

Паша извлек из борсетки тугой пресс цветастых евро, поплевал на пальцы, отсчитал то, что был должен по счету, а затем сунул сотенную купюру официанту в нагрудный карман и хлопнул его по плечу – мол, заработал. Девицы повисли у Паши по бокам, троика двинулась к выходу.

Ларин попросил счет, заплатил за суп и морковный фреш.

Янчевский с девицами уже устраивались на берегу. Служащий пляжа притянул им лежаки, поставил столик и воткнул зонтики. Андрей прошел мимо них и свернул к яхт-клубу.

Холодная водка на майском субтропическом солнце быстро сделалась противно-теплой. Салатные листья скукожились. Раскроенным на тонкие полоски хамоном – вяленой свининой – заинтересовались мухи. В голове у Паши образовался вакуум, он тупо смотрел перед собой на плескавшееся на мелководье немецкое семейство.

– Ни хера они в этой жизни не смыслят, – пафосно проговорил он. – Европейцы хреновы. Нет в них нашего размаха. Трахаются в презервативах и плавают вдоль берега. Нет, чтобы к горизонту! А ну-ка, подъем! Разлеглись тут, шалавы старые!

Янчевский вскочил и принялся пинать ногами топчаны со своими подружками. Девицы неохотно встали на ноги.

– Объявляю заплыв. Гип-гип, ура!

– Может, не стоит? – засомневалась блондинка. – Пьяному лучше на берегу посидеть.

– Это я-то пьяный? – изумился Янчевский. – Да я, пузырь засадивши, интервью перед выборами «ВВС» давал. И никто не заметил. Пошли! – и он, покачиваясь из стороны в сторону, двинулся к морю.

– Паша, борсетку сопрут, – напомнила брюнетка. – Я покараулю, пока вы сплаваете.

– Резонно. Остаешься за старшего, – распорядился молодой политик.

Янчевский разбежался и прыгнул в воду, подняв фонтан брызг, а затем бешено заработал руками. Блондинка никак не поспевала за ним, хоть и плыла изо всех сил.

– Паша, да подожди ты!

– Русская баба – она и в горящую избу... и коня на скаку... и под водой... возьмет, – фыркая, огрызнулся Янчевский, минувя линию буйков.

Блондинка, матерясь, выгребала следом. И тут послышался ее отчаянный визг. Паша обернулся. Неподалеку резал воду черный лоснящийся треугольник.

– Акула! – завизжала блондинка и, выскочив из моря чуть ли не по пояс, погребла к берегу.

Паша не стал раздумывать о том, что вообще-то акуле нечего делать в здешних водах. Нет, они, конечно же, присутствуют в Средиземном море, но к берегу никогда не подходят, у них на мелководье жабры песком забиваются. Вид черного треугольного плавника, разрезающего воду, показывал, что акула не оптический обман.

– Нах! – замахал руками Янчевский, пытаясь догнать блондинку.

Но не получилось, плавник отрезал ему путь отступления к берегу. Обезумевший Паша вынужден был грести в открытое море. Круги тем временем сужались. Черная мокрая кожа плавника искрилась на солнце.

На берегу поднялась паника. Люди пробками выскакивали из воды. Никто и не думал бросаться на помощь. Блондинка, визжа, выбежала из воды и понеслась к променаду, брюнетка схватила ее на ходу и повалила на песок.

– Куда, дура? На пляж она не вылезет.

Янчевский уже нахлебался воды, ужас завладел всем его существом, он бестолково барабанил руками. Плавник грозно надвигался на него, а затем ушел под воду. И тут Янчевский почувствовал, как что-то коснулось его ног. Он изо всех сил с криком рванулся вверх. Крик разлетелся над морем и захлебнулся – выскочившее тело, повинувшись законам физики, ушло под воду.

Люди на берегу в тревожном молчании всматривались в море. Голова Паши, заплывшего за буйки, так и не появилась, как исчез и акулий плавник. От пирса, ревя мотором, уже мчалась моторная лодка со спасателями...

Бездыханное, посиневшее тело Янчевского уложили на песок. Вернуть ему жизнь пытался один из туристов – медик, но ничего не получалось. Прибывшей бригаде «Скорой помощи» оставалось лишь констатировать смерть.

Врач оглядел покойника, на теле которого не имелось видимых повреждений, и предположил, что у несчастного просто остановилось сердце.

– Да показалось тебе все, показалось, – пыталась успокоить подругу брюнетка. – Откуда тут акуле взяться?

– Ему тоже показалось? – всхлипнула блондинка. – И им всем показалось?

– Всем, всем показалось, – брюнетка встряхнула подружку. – В прошлом году я в Турции тоже акулий плавник увидела. Прямо в море, и чуть не обделалась. А потом оказалось, что это пакет черный с мусором углом кверху ветром на меня погнало.

– Пакет? – задумалась блондинка. – А куда он тогда сейчас подевался?

– Какая, на хрен, разница. Пока полиция не подошла, – брюнетка покосилась на остановившуюся на променаде полицейскую машину, – надо бабки из борсетки забрать. Паше на том свете они ни к чему...

Ларин стоял на палубе небольшой арендованной парусной яхты и смотрел на берег в бинокль. У борта лежали мокрые акваланг, ласты и квадрат гибкого черного пластика. Сложенный пополам – по диагонали, квадрат отдаленно напоминал акулий плавник. Но, как известно, у страха глаза велики.

Когда тело на берегу запаковали в черный мешок и неторопливо понесли на носилках к машине, Ларин достал мобильник и отправил эсэмэску: «Отдохнул хорошо. Возвращаюсь». Почти незамедлительно пришел и ответ: «Жду. Стол уже накрыт».

Андрей не обольщался насчет «накрытого стола», эта кодовая фраза означала лишь то, что Дугин еще до гибели Янчевского успел продвинуться в том, чтобы ввести Ларина в думские коридоры.

* * *

Единственная конспиративная квартира, которая не вызывала у Ларина отторжения, – это помещение в тихом Колокольниковом переулке. Именно там Дугин и назначил сегодняшнюю встречу. Квартирой это можно было назвать лишь условно. Жители подъезда в старом трехэтажном доме были свято уверены, что на мансарде расположена мастерская художника. А чего сомневаться-то? Ведь еще в советское время мансарда принадлежала Союзу художников. Работавшие в ней творцы менялись один за одним. А художник – человек не публичный, его не обязательно узнавать в лицо.

Ларин сидел на краю дощатого подиума, занимавшего треть мансарды. Для маскировки в углу стоял мольберт, завешенный полотном, за стеклянными дверцами стеллажа виднелись

тюбики с краской, палитра, из глиняных кувшинов торчали разнокалиберные кисточки. На стенах висело несколько московских пейзажей без рам.

Дугин стоял у окна и, раздвинув планки жалюзи пальцами, смотрел на город.

– Тебе испанские рестораторы по справедливости должны скинуться. Теперь там никто не купается, сидят по барам, кафе и ресторанам. Выручка выросла в разы, – произнес Павел Игнатьевич. – Но это так, лирика. Диск просмотрел? Информацию по нашей Думе изучил? Впечатлился? – спросил Дугин у Ларина.

– Впечатлился только масштабами и суммами, но не сущностью, – безглаголиво поморщился Андрей. – Я и раньше знал, что у нас все продается и покупается.

– Вот-вот. Масштабы, – хмыкнул Дугин, отходя от окна. – А количество, как ты знаешь, всегда имеет особенность переходить в качество. Где крутятся фантастические суммы бабла, там и коррупция фантастическая, и ее последствия недопустимо разрушительные. Если государство превращается в мафию, то все его институты тоже автоматически превращаются в мафию! – Павел Игнатьевич по своему обыкновению взмахнул рукой, рассекая воздух. – А сколько там депутатов с судимостями, да еще по таким статьям, за которые на зоне приличные зэки «опускают»? А сколько в наш так называемый парламент отъезжих харь пролезло только ради депутатского иммунитета?

– Проще перечислить тех, к кому эти определения не относятся.

– А ты таких знаешь?

Ларин развел руками:

– Люди вообще не знают фамилий депутатов. Им кажется, что вся эта мерзость их не касается и не коснется. В лучшем случае назовут их бездельниками, на которых пахать можно, и педерастами.

– В прямом или переносном смысле? – криво ухмыльнулся Дугин. – Там всяких персонажей хватает.

Павел Игнатьевич достал из кармана удостоверение и подал Андрею.

– Общественный помощник депутата Пронина... – прочитал и изумился Андрей. – И фотография моя. Надо же.

– Дорогая штучка, скажу я тебе.

– Знаю. От ста двадцати тысяч долларов до двухсот стоит по думским расценкам. В зависимости от того, к какой партии депутат принадлежит, от его веса или должности в Комитете.

– Я брал по минимуму, депутат Пронин пустышка – практически ничего не «весит», он для тебя лишь первый шаг к цели. По закону народный избранник может иметь только одного помощника на окладе. А вот общественных – сколько душе заблагорассудится, – подсказал Дугин. – Вроде бы просто общественная нагрузка, головная боль быть бесплатным помощником. Но это еще и пропуск, с которым помощник может беспрепятственно входить, например, в мэрию, попадать в любые... ну, почти в любые кабинеты. И, естественно, получает возможность решать вопросы.

– Вообще-то решают задачи, а на вопросы – отвечают, – поправил Дугина Андрей.

– Не передергивай, теперь и тебе надо в полном объеме овладеть властным новоязом. Чиновники от случайных людей денег не возьмут. А это удостоверение – как сигнал для распознавания «свой-чужой», как гарантия того, что ты принадлежишь к властной мафии и своих не сдашь.

– Но вы сами сказали, что Пронин, о котором я слышу первый раз, – пустышка? – возразил Ларин.

– Тебе нельзя возникнуть на пустом месте. Технология внедрения – сложный процесс. Я помогу тебе подняться наверх. Самый влиятельный человек в партии большинства – это политтехнолог Стариканов. Он что-то вроде начальника отдела кадров властной партии, составляет избирательные списки. Основные деньги от покупки мандатов идут через него. Я уже разра-

ботал план, как тебе войти к нему в полное доверие и занять место Янчевского. Вот тогда ты сможешь купить практически любую должность или устроить на нее своих людей.

– И каков план? – без особого энтузиазма поинтересовался Андрей.

За время работы на тайную организацию по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти Ларину приходилось видеть много мерзости, пожимать руки и улыбаться негодяям, проходимцам и оборотням в погонах. Но теперь Андрей чувствовал – Дугин внедряет его в настоящую клоаку, где придется не только подыгрывать, но и изображать из себя «брата по разуму».

Павел Игнатьевич словно прочитал эти непроизнесенные сомнения и поспешил добавить:

– Утешай себя тем, что потом последует возмездие. Главное для тебя – войти в цепочку продажи должностей в качестве своего человека, в котором никто не сомневается, разобраться, что где исчезает и в чьих карманах потом материализуется. Проследить ее от самого верха. Ну, а теперь слушай мой план. Для начала тебе придется просто случайно нарисоваться перед Старикановым в новом качестве, ну а потом...

* * *

Майский ветер трепал ленточки на многочисленных похоронных венках. Надписи на них напоминали набор визитных карточек, скопившихся в письменном столе очень влиятельного человека. От фракции... от министерства... от соратников по партии... от... от...

Неприлично дорогой, отливающий глянцевым лаком гроб торжественно ехал на неторопливом катафалке по аллее Троекуровского кладбища. Глухо вздыхали трубы военного оркестра, мерно, задавая темп движения похоронной процессии, ударял барабан.

Похороны Павла Янчевского были организованы масштабно и в меру державно. Сразу же вслед за родственниками покойного шел Нил Константинович Стариканов, за ним тянулся шлейф из других партайгеноссе. Политтехнолог ступал тяжело, другие обходили разбросанные по дорожке живые цветы, а он шел – давил их подошвами туфель из тонкой страусовой кожи. Этот мерзкий звук соответствовал его настроению. На носу была предвыборная кампания, а тут – на тебе.

Рядом проплывали величественные памятники. «Жильцы» на кладбище сплошь были или знаменитостями, или толстосумами. А потому все так называемые бесхозные могилы обретали новых квартирантов. «Старожилов» на престижных местах оставалось не так уж и много.

Не впервой Стариканов провожал здесь в последний путь соратников, а потому изменения сами собой отмечались в памяти. Нил Константинович хорошо запомнил на аллее памятник какому-то генералу из-за его нетривиальности.

Скульптор весьма реалистично изваял генерала торчащим по пояс из скалы. В руке поднесенная к уху так же реалистично повторенная трубка полевого телефона. Этот шедевр времен раннего Брежнева вдобавок был забран в параллелепипед из толстого органического стекла на латунном каркасе. Это чтобы кладбищенские вороны на гадили на скульптуру. Зато теперь плексигласовый фонарь густо усыпали белые размашистые пятна. Рядом с генеральским захоронением еще полгода тому назад была и скромная могила его жены, но теперь на ее месте виднелась аккуратная яма – последнее пристанище Паши Янчевского. Видимо, и ее умудрились признать сперва неухоженной, а потом уже и бесхозной. А ведь квадратный метр на престижном кладбище стоил не меньше, чем аналогичная площадь в центровом пентхаусе.

Оркестр доиграл марш, гроб сняли с катафалка. Зазвучали прощальные речи. Их мало кто слушал, разве что родственники покойного. Они справедливо подозревали, что в дальнейшем об их погибшем родиче никто и слова не скажет. Разве что желтая пресса доберется до его прошлых делишек.

Если верить выступавшим, то более полезного и перспективного для России человека не было и больше не предвиделось. В чем-то Стариканов был согласен с такой мыслью, ведь в лице Янчевского он лишился посредника между собой и соискателями должностей, депутатства. То есть все, конечно, знали и расценки, и правила игры, но ведь не пойдут соискатели к Стариканову напрямую с чемоданом кэша! Для этого Паша и существовал, этакий курьер-посредник. Воровал, конечно, подлец, но как относительно честный приказчик у толстопузого купчины – лишь пятиалтынные. Короче говоря, приближался сезон выборов, а нужного человека не стало.

Гроб опустили в яму, люди проходили мимо, бросали пригоршни земли, а затем спешили отойти, чтобы покурить, переброситься словом с другими участниками похорон. Ведь иногда только на подобных мероприятиях и есть на это время. К тому же кладбищенская обстановка располагает к воспоминаниям и искренности.

Стариканов, зайдя за генеральский памятник, запахнул плащ, пригладил бороду. К нему неслышно подошел депутат Пронин, и не один. Рядом с ним был стильно и хорошо одетый мужчина, находившийся в отличной физической форме. Внимательный взгляд, умные глаза, никакого подбострастия в движениях, хотя и сразу было видно, что пришел именно он с Прониным, а никак не наоборот.

– Как-то не принято говорить в такие минуты «добрый день», поэтому здравствуйте, Нил Константинович. Такая утрата, такая утрата... – даже не пытаюсь изображать искренность, произнес дежурные слова Пронин. – И как такое могло случиться? Молодой, многообещающий – и вдруг утонул. Полная несправедливость получается.

– Мало ли что и с кем случиться может, – пожал плечами политтехнолог, обводя взглядом недавно установленные памятники, на многих из которых промежуток между датой рождения и датой смерти не превышал и полувека. Ты что, всерьез думаешь, Пашка не случайно утонул?

– Никто так не думает. Я уже с людьми говорил. Утонул и утонул. Тут уж, как говорит мудрый русский народ, кому суждено утонуть, того не...

Пронин запутался, понял, что сморозил двусмысленную бестактность, и поспешил сменить тему.

– А это мой новый помощник... – представил депутат своего спутника Ларина. – Очень толковый.

– У тебя помощников – как секретарей у Левы Троцкого, который на самом деле – Бронштейн. Один из семидесяти? – несколько раздраженно произнес Стариканов, поскольку Пронин, не просчитав ситуацию, наступил на больную мозоль политтехнолога, неожиданно лишившегося Янчевского.

Пронин развел руками, как бы говоря, что лишние сотня-другая тысяч долларов на дороге не валяются. А сам он не олигарх – надо же как-то «перебиваться».

Стариканов еще раз окинул взглядом Андрея. Сама собой в голове Нила Константиновича родилась странная мысль:

«Вот этот бы ни за что не утонул. Мусорного пакета не испугался бы».

– А еще я слышал, что некоторые говорили, вроде акула возле Пашки плавала, – прищурился, глядя на Пронина, Стариканов.

– И я такое слышал, – признался депутат. – Только не верю. Откуда акула в Средиземном море?

– И правильно делаешь, что не веришь. Мне документы из испанской полиции прислали. Так вот, как оно было со слов свидетелей: увидел Пашка в море черный пакет с мусором, который острым краем сверху из воды торчал, и от страха сердце у него остановилось. Потом тот пакет возле яхт-клуба и выловили. Понимаешь, пакета мусора до смерти человек испугался.

– Эка оно бывает, Нил Константинович. Но мусор мусору рознь, – попытался вновь неудачно пошутить Пронин.

Ларин не терял времени даром, неприметно осматривался. Охрана у Стариканова была поставлена круто. Телохранители не маячили, но находились поблизости, профессионально фильтровали – кого можно подпускать к хозяину, а кого ни в коем разе нельзя. Так, они ловко перехватили на далеких подходах к Нилу Константиновичу сестру и основную наследницу Янчевского. Оттеснили ее не зря. Моложавая женщина справедливо полагала, что не собиравшийся в ближайшее время умирать братец львиную долю своих сбережений держал на тайных счетах. А потому рассчитывала «наехать» на Стариканова, чтобы узнать правду и добраться до этих денег.

Прилюдно объяснять неадекватной от потери единственного брата особе, что часть счетов, оформленных на Янчевского, это всего лишь перевалочная база для взяток за купленные мандаты и должности, Стариканову было не с руки. Для него самого вопрос получения этих застрявших денег стал головной болью.

Нил Константинович обменялся с охраной взглядами и понял, что долго удерживать ситуацию под контролем не получится – на кладбище зрел гнусный скандал, свидетелями которого могли стать несколько ушлых журналистов.

– Пойду я уже, – обронил Стариканов и, даже не подумав протянуть руку на прощание, пошел к выходу с кладбища.

За воротами его ожидал автомобиль. Водитель распахнул дверцу. Пока Нил Константинович забирался в свой «Бентли», охрана зорко осматривалась по сторонам.

– Ну, как все прошло, Нил Константинович? – поинтересовалась секретарша политтехнолога, просидевшая все похороны на заднем сиденье.

– Как, как? Плохо, – раздраженно ответил Стариканов и пригладил растрепавшуюся на ветру бороду. – Мало того что этот мерзавец неоконченными финансовыми делами оставил, так теперь еще из-за его похорон полдня сгорели.

Между политтехнологом и его секретаршей – Екатериной Медниковой – отношения сложились доверительные. Естественно, у обоих существовали и свои личные тайны, но если уж о чем-то они говорили, то предельно откровенно. Стариканов справедливо полагал, что нельзя все время находиться в напряжении, фильтруя сказанное. А поскольку с секретаршей они общались каждый день, приходилось ей доверять.

Медникова была молода, но умна. И это был тот редкий случай, когда ум вполне сочетался с красотой. Причем красота эта не сразу бросалась в глаза. Екатерина ловко маскировала ее за образом деловой женщины. Глаза и губы красила так, что мужчины были уверены – они такие от природы. Густые и длинные волосы на службе всегда носила заплетенными в неброскую косу, которую укладывала вокруг головы. Короче говоря, она не пыталась повторить раскрученные в массовом сознании образы успешных женщин-стерв и женщин-вамп. К чему? Лишнее. Она и так была успешной. Вот только сейчас вид немного портили излишне длинные ногти да гламурный розово-перламутровый нетбук «Apple» на коленях.

Машина тронулась, плавно набирая скорость.

– Потеряли мы посредника, – вздохнул Стариканов. – И не вовремя потеряли. Это как если бы в самую страду у крестьянина единственный конь сдох. Выборы приближаются. У тебя, случайно, на примете никого нет? Чтоб человек был надежный и не сильно вороватый. Ну, ты понимаешь, что я подразумеваю под словом «не сильно»...

Медникова и рада была бы помочь Нилу Константиновичу, лишний раз показав ему свою необходимость. Но таковых, кто бы мог заменить Янчевского, у нее на примете не было. А потому отрицательно качнула головой.

– Хорошие посредники товар штучный, на помойке не валяются.

– Не будь ты, Катя, бабой, я б тебе это дело доверил, но уж очень мужское наше общество. Русский мужик в бабе только бабу и видит, за задницу ущипнуть норовит или коленки помякать.

Стариканов недовольно покосился на открытый нетбук, стоявший на коленях у молодой женщины. Коленки и впрямь выглядели соблазнительно.

– А ты, Катька, опять в своих социальных сетях сидела. Тьфу и еще раз тьфу на тебя.

– Зря вы, Нил Константинович, социальные сети недооцениваете. Теперь в них вся страна живет. Даже известные журналисты прежде свежую статью на своих страницах вешают, а уж только потом отдают в издание или на сайт. Из Интернета новость можно быстрее узнать, чем из телевизора. Или, скажем, нужно сделать вброс информации, а потом самим на нее сослаться... – Катя хотела продолжить мысль, но вовремя заметила, что Стариканов хочет возразить.

Медникова не зря была умной женщиной, а значит, умела не только говорить, но и слушать, потому замолкла, склонила голову набок. Внимательных слушателей люди любят – это она знала четко.

– Всякие твои твиттеры-шмиттеры, Интернеты – враги наши придумали, чтобы дурить голову православному люду. Чтобы он духовность свою растерял и соборность. Молодежь на цветные революции агитируют. Одна только порнография чего стоит, – проговорил Стариканов. – Не зря при Сталине кибернетику лженаукой считали.

– Но есть же от всего этого и польза? – попыталась возразить Медникова. – Скажем, ножом можно и человека убить, и икру на бутерброд намазать.

– От компьютеров я только одну пользу знаю – электронное голосование. Вот это настоящее дело! – усмехнулся Стариканов, прикрыл глаза, словно вспоминал что-то из давно ушедших дней. – Я ж, Катька, можно сказать, у его истоков стоял. Концепция-то, получается, моя, креативчик-то мой. Еще в начале семидесятых придумал. Ай да сукин сын, – бахвалился он.

– Интересно, – в тоне, каким Медникова произнесла слово, послышалось недоверие.

– Ты не думай, я с ума не сошел, – улыбка Нила Константиновича проступила сквозь клочковатую бороду. – С годами не ошибся. Меня тогда только-только освобожденным секретарем комсомола в универмаг областной поставили. Тебя еще на свете не было. Ну, молодой я, дурак инициативный. Тогда весь Союз на разных автоматах был помешан. Пятачок бросишь, кнопку нажмешь, тебе аппарат почтовую открытку выплюнет. Рядом другой стоит – две копейки проглотит, вот тебе уже и свежая газета. Автоматы и обувь чистили, и одеколоном прыскали. Даже в рюмочной, помню, на рубль металлический тебе аппарат сто граммов наливает и бутерброд с черной икоркой выдает.

– Тогда рубль типа доллара был? – уточнила Катька.

– Типа доллара, только «деревянный», – расплывчато уточнил Стариканов. – За доллары тогда статьи были предусмотрены. До пятидесяти баксов – административный кодекс, а свыше – уже уголовный, – в голосе Нила Константиновича совсем не слышалось сожалений о прошедшем «золотом времени» развитого социализма, просто ему самому стало интересно вспомнить, ощутить, сколько же всего поменялось в стране за эти годы. – Вот и я аппарат для нашего универмага придумал. На подшефном заводе нам его за пару дней склепали.

– И что ваш аппарат продавал? – улыбнулась Катя.

– Счастье, Катечка, форменное счастье для людей. И денег за это не требовал. Поставили мой аппарат посреди универмага. Жестяный ящик, серой «молотковой» краской выкрашенный, а на нем две кнопки и две лампочки – красненькая и зелененькая. Сверху плакат: «Товарищ, выскажись, как тебя обслужили в нашем универмаге?» Народ в очереди выстраивался, чтобы кнопку нажать – на одной написано «хорошо», на другой «плохо». А внутри-то всего только четыре проводочка к лампочкам от двух кнопок и тянутся, больше нет ничего. Сколько раз чего нажали, нигде не фиксируется, а народ счастлив, что его мнением интересуются, – мигают целый день лампочки, кнопки щелкают. Уже больше никто в книгу жалоб и предложений не пишет. Мне директор универмага даже премию выписал за «рацуху».

– Но счастье не бывает вечным? – догадалась Катя.

– Именно так. Нашелся пенсионер-правдоискатель, поднял мой аппарат и заглянул внутрь. Скандал закатил, в партконтроль написал. Короче, забрали мой аппарат, а вместе с ним и счастье у народа забрали. Видать, когда систему электронного голосования разрабатывали, то и о моем изобретении вспомнили, только мне не сказали. Но я не в обиде.

«Бентли» в сопровождении двух джипов с охраной тихо полз в плотном потоке машин. Водитель оглянулся и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Ты только не вздумай мигалку сейчас включать, – погрозил ему пальцем Стариканов. – Выборы скоро.

* * *

После похорон Паши Янчевского Ларин исчез на три дня. Где он был и чем занимался, знали только он и Дугин. Но на четвертый день Андрей вновь объявился в Москве. Поздним вечером, уставший и мрачноватый, он вошел с большим пакетом в руке в больничный холл. Время для посещений уже закончилось. Полицейский, сидящий перед стеклянной дверью, оторвался от чтения газеты с кроссвордом и недовольно посмотрел на визитера – мол, чего приперся?

Ларин не стал пользоваться удостоверением помощника депутата Госдумы. В больнице не обязательно сработало бы. Полицейский мог оказаться нормальным мужиком, которому было бы в радость обломать владельца крутых купленных корочек. Тут тебе не московская мэрия.

– Сержант, – сразу взял задушевный тон Андрей. – Женщина у меня тут любимая в хирургии лежит. Сегодня только приехал, а завтра уезжаю. Нельзя ли...

Если человек когда-то служил в «органах», то это останется написанным на его лице до конца дней. Полицейский тут же почувствовал в бывшем наро-фоминском опере родственную душу, к тому же более высокую по званию, а потому, не задумываясь, ответил:

– Можно. Только халат накиньте, – и указал на вешалку...

Ларин по своей привычке поднялся по лестнице пешком, он всегда старался избегать лифта. Лифт – это ловушка, достаточно отключить электричество, и человек оказывается на время замурованным в кабине, бери его голыми руками, без шума и пыли. Понемногу и Андрей перенимал осторожность Дугина, который любил повторять, что все плохое случается неожиданно, и если ты в деле, то никогда нельзя расслабляться.

Он прошел по больничному коридору. Стол дежурной медсестры пустовал, лишь тускло горела настольная лампа. Андрей коротко постучал в дверь одноместной палаты-люкс и толкнул ее. Маша, одетая в байковую пижаму, лежала поверх одеяла. Загипсованная нога смотрелась монументально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.